ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ *МЕСЯЦ* (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XIX – XXI ВЕКОВ)

© Гульшат Хайрутдинова

FIGURATIVE POTENTIAL OF THE LEXEME *MONTH* (BASED ON POETIC WORKS OF THE 19th – 21st CENTURIES)

Gulshat Hayrutdinova

The article explores the figurativeness of the *month* lexeme within the framework of the problem of language aesthetics, a promising trend of linguistics. This lexical unit has not yet been the object of a comprehensive analysis in terms of its figurative potential, which determines the relevance of our topic. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the figurative possibilities of the word *month*, functioning in the poetic works of the 19th – 21st centuries. Our research into the figurative potential was carried out with a focus on the concept of N. V. Pavlovich, who justified the idea of the image paradigmaticity. The study is based on the poetic texts contained in the “Russian National Corpus”. We mainly used the descriptive-analytical, semantic-stylistic and quantitative methods in our study and analyzed the poetic texts, in which the polysemous word *month* is used in the meaning of ‘the disk of the moon or part of it’. Sixteen paradigms have been identified, in which the noun *month* appears in the position of the left element, or the subject of a comparison. This article presents and describes ten of the most voluminous models, in which the lexeme *month* is intentionally close to the words related to the concepts of “a living object”, “an organ”, “a tool”, “substance”, “precious”, “light”, “transport”, “a plant”, “food” and “an object”. We have come to the conclusion that the greatest productivity and, consequently, stability is characteristic of the paradigm “month → a living object”. The remaining nine paradigms, considered by us, are less, although highly, productive and stable.

Keywords: poetic text, semantics of the *month* lexeme, figurative potential of the word, figurative paradigms, model elements, paradigm stability.

В статье исследуется образность лексемы *месяц* в рамках проблемы эстетики языка, относящейся к перспективному направлению развития лингвистики. Данная лексическая единица еще не была объектом всестороннего анализа в плане характеристики ее образного потенциала, чем обусловлена актуальность нашего обращения к этой теме. Цель исследования – комплексный анализ образных возможностей слова *месяц*, функционирующего в поэтических произведениях XIX–XXI веков. Изучение образного потенциала проводилось с ориентацией на концепцию Н. В. Павлович, обосновавшей идею парадигматичности образа. Материалом для изучения послужили стихотворные тексты, содержащиеся в Национальном корпусе русского языка. При исследовании языкового материала использовались главным образом описательно-аналитический, семантико-стилистический и количественный методы. Анализу были подвергнуты те поэтические тексты, в которых многозначное слово *месяц* используется в значении «диск луны или его часть». Выявлены 16 парадигм, в которых существительное *месяц* выступает в позиции левого элемента, или предмета сравнения. В данной статье представлены и описаны 10 наиболее объемных моделей, в которых лексема *месяц* намеренно сближается со словами, относящимися к понятиям «живой предмет», «орган», «орудие», «вещество», «драгоценное», «свет», «транспорт», «растение», «еда» и «предмет». Установлено, что наибольшая продуктивность и, следовательно, устойчивость характерна для парадигмы «месяц → живой предмет». Остальные 9 из рассмотренных нами парадигм обладают меньшей, хотя и достаточно высокой продуктивностью и устойчивостью.

Ключевые слова: поэтический текст, семантика лексемы *месяц*, образный потенциал слова, образные парадигмы, элементы модели, устойчивость парадигмы.

Исследование эстетики языка и речи, представляя собой сложную проблему междисциплинарного характера, относится к одному из важных направлений развития лингвистики. При описании эстетики лексических единиц наиболее часто исследователи обращаются к изучению их образно-ассоциативных возможностей. Этому вопросу посвящены, в частности, работы В. П. Григорьева, Б. А. Ларина, Л. А. Новикова, О. Г. Ревзиной, Д. Н. Шмелева и др. С точки зрения Т. В. Матвеевой, под образностью языковой единицы понимается такой набор ее свойств, как изобразительность, конкретно-предметное представление, наглядность, «картинность» [Матвеева, с. 247].

Наиболее ярко и полно эстетические возможности языковых единиц раскрываются в поэтической речи. Как известно, в стихотворных текстах высокую частотность обнаруживают лексические единицы, характеризующие чувства, эмоциональные состояния лирического героя. Важную роль играют также слова, называющие явления природы, среди которых обращают на себя внимание обозначения небесных объектов, обладающие как смысловой, так и эстетической значимостью [Хайрутдинова, 2016. Эстетические ресурсы русского языка, с. 35].

Целью нашего исследования в данной статье является комплексный анализ образного потенциала слова *месяц*. В рамках анализа предполагается изучение способов намеренного сближения данной лексической единицы с другими словами, в результате чего «возникает „сходство несходного“, или образ». Исследование образно-ассоциативных возможностей лексемы *месяц* осуществлено с ориентацией на концепцию Н. В. Павлович, предложившей идею инвариантности, или парадигматичности, образа [Павлович, с. 19]. При освещении изучаемого вопроса, кроме анализа данного слова как элемента образной парадигмы и описания свойств выявленных моделей, рассматриваются также семантика лексической единицы и ее грамматические особенности.

Функционирование слова *месяц* уже было объектом внимания филологов (О. Н. Биль, Ф. Ф. Гилемшина, О. Н. Маркович, О. В. Стафеевой, Н. А. Турапиной), изучавших космонимы с точки зрения концептуально-тематической их характеристики, функционирования в мифах, поэтических произведениях Серебряного века и т. д. Н. В. Павлович при описании языка образов также приводит данные относительно включения слова *месяц* в некоторые парадигмы образов, однако полный анализ образно-ассоциативных возможностей этой лексической единицы не по-

лучил отражения в лингвистической литературе. Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена тем, что лексема *месяц*, представляющая безусловный научный интерес в плане разработки эстетики художественного слова, еще не была объектом комплексного изучения. В качестве основных методов исследования были использованы описательно-аналитический, семантико-стилистический и количественный методы. Материал для изучения лексемы *месяц*, используемой в произведениях русской поэзии XIX–XXI веков, извлечен из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). В ходе проведения научной работы проанализированы стихотворные произведения 149 авторов.

Функционирование любой лексической единицы, в том числе в аспекте актуализации ее образных возможностей, во многом определяется семантикой. Анализ словарных данных показал, что слово *месяц* является полисемантом и имеет три значения: 1. Единица исчисления времени по солнечному календарю, равная одной двенадцатой части года. 2. Тридцать дней, посвященных какому-н. общественному мероприятию. 3. Диск луны или его часть [Ожегов, Шведова, с. 352]. В данной статье мы сосредоточим свое внимание на употреблении рассматриваемой лексической единицы в ее третьем словарном значении.

Изучение языкового материала привело нас к выводу, что в большинстве поэтических текстов реализуется значение «часть диска луны», например: *Месяц, тоненькая долька, / из окна глядит на нас...* (Ю. Левитанский. «Катя, Катя, Катерина...»); *Вверху над роцей – месяц ломтиком, / И ломтик лодки на воде.* (И. Елагин. «Я эмигрировал на озеро...»); *Тот же в небе под вечер / Месяц жёлтый – дугой.* (В. Наседкин. «Синью тёпую крадась...») [НКРЯ] (здесь и далее разрядка наша – Г. Х.)

В меньшей части примеров слово *месяц* обозначает диск луны: *Вот уж веет прохладой nocturnoю; / Грезит колос над узкой межею; / Месяц огненным шаром встает, / Красным заревом лес обдаёт.* (И. Никитин. «В синем небе плывут над полями...») [Там же].

В результате исследования образных возможностей анализируемого слова нами были выявлены 16 образных парадигм, в которых оно выступает в позиции левого элемента модели (X), или предмета сравнения. В данной статье будут рассмотрены 10 наиболее объемных моделей.

1. Значительный корпус примеров включает в себя контексты, обнаруживающие сочетание лексемы *месяц* с существительными, которые

обозначают живой предмет (32,38% словоупотреблений).

1.1. В большей части материала рассматриваемое слово сближается с личными существительными, которые являются обозначениями людей, а также существ, воспринимаемых как живые, – персонажей мифов, сказок и т. п.: *ба-тюшка, брат, горец, красавец, любовник, фанатик, чародей, черт* и др. Среди них стоит отметить те лексические единицы, которые неоднократно встречаются в произведениях русской поэзии при реализации образного потенциала лексемы *месяц*. К таким словам относятся существительные *брат, друг, старик, сторож* и *кудесник*. Приведем некоторые текстовые примеры: *В небе плакал месяц старый... / Дымки-тучки проползали, / Утешали старика...* (П. Соловьева. «Старый месяц»); *...А вокруг, у перелесиц, / Полудночью голубой, / Слово ст о-ро-ж, ходит м е с я ц, / Водит облака гурьбой!..* (С. Клычков. «Над грядой перелесиц...»); *М е-с я ц – ласковый кудесник – / Запускает во-ро-жбу...* (Н. Зарудин. «В поводах солнечных рука...») [Там же]. В данных фрагментах текстов лексема *старик* используется в значении «мужчина, достигший старости» [Ожегов, Шведова, с. 762], существительное *сторож* реализует значение «работник, который сторожит, охраняет что-н.» [Там же, с. 770], слово *кудесник* – значение «волхв, чародей» [Там же, с. 312].

Род существительного *месяц* и субстантивов, используемых в позиции правого члена парадигмы, в подавляющем большинстве случаев совпадает, то есть в качестве образа сравнения используются главным образом личные существительные мужского рода типа *князь, богатырь, жнец, игумен*, что ведет к маскулинизации неодушевленного субстантива [Хайрутдинова, 2016. Образный потенциал оронимов..., с. 524]. Однако в единичных случаях функционируют и существительные женского рода, что не соответствует распространенной в художественной речи тенденции персонификации неодушевленных существительных, например: *Розовеет месяц на восходе / Деспота в лучах золотого круга, / Как ц а р и ц а юная, в разводе / Все влюбленная в ц а-ря-супруга.* (В. Иванов. «Розовеет месяц на восходе...») [НКРЯ].

1.2. В ряде случаев образ сравнения получает зооморфное осмысление благодаря использованию в позиции правого члена образной парадигмы названия животного. В большинстве контекстов используются названия а) млекопитающих (*конь, волк, ягненок*) и б) птиц (*сокол, лебедь, чайка, селезень*). Приведем текстовые примеры: а) *Резвый м е с я ц, как ко н ь молодой, / Про-*

скакал в облаках над поляной. (И. Молчанов. «Глубже, память, врезай лемехи...»); б) *Звезды кружатся далекие, / Посреди их м е с я ц с о-ко-лом ...* (А. Толстой. «Весенний дождь») [Там же]. В единичных случаях употребляются обозначения других видов живых организмов, в частности, название насекомого: *М е с я ц, как ба-бочка на огонь, / Замахивается криво.* (Г. Оболдуев. «Не спеша набухают крепкие...») [Там же].

2. Довольно большую часть языкового материала охватывает парадигма, правый элемент которой репрезентируется словами, обозначающими орган (или часть тела) живого предмета: *рог, клык, коготь, ребро, глаз, око, бровь, голова, лицо* (13,08% случаев использования). Данное наблюдение подтверждается следующими примерами: *А м е с я ц в вышине оскалил желтый клык / и смотрит на меня, внимательный и дерзкий.* (С. Кекова. «Есть много разных птиц. Вот гриф. Он словно граф...»); *В туче прячется, бродит Бог, / коготь м е с я ц а грыз.* (И. Бродский. «В горах»); *В ту ночь был м е с я ц чист и тонок, / Как на лице влюбленном бровь ...* (С. Клычков. «Поутру нелады и ссоры...») [Там же]. Наибольшую активность в этой группе слов проявляет лексема *рог* (чаще в форме единственного числа), реализующая значение «вырост из костного вещества на черепе у некоторых животных» [Ожегов, Шведова, с. 680]: *Он что-то вспомнил так правдиво / Из темного праязыка, / Что м е с я ц в небе всем на диво / Преобразился в рог быка.* (Д. Самойлов. «Не думал про стихосложение...») [НКРЯ].

3. Несколько меньшей по объему является та часть примеров, в которых лексема *месяц* сближается со словами, относящимися к семантической зоне «орудие». Из лексем, входящих в эту зону, используются существительные *сери, нож, ятаган, меч, палаши, сабля, топор, стрела, плуг* (11,63% случаев). При этом наиболее частотным является сравнение месяца с серпом, что, очевидно, можно считать одним из проявлений поэтической традиции. Приведем несколько фрагментов стихотворных произведений: *...В небе м е с я ц народился / И серпом лег у межи...* (С. Клычков. «Зоряница»); *Помню, в священную ночь / спать не ложились в бараке / М е с я ц, как жертвенный нож, / тихо сиял над землей.* (С. Стратановский. «Кто это был, я не знаю...»); *...идет цыганка в бар ночами, / сезонником идет цыган, / и только м е с я ц над степями / один висит, как я т а г а н.* (О. Берггольц. «О, табор в городе, о, табор...»); *Ползет, пригнувшись и дрожа, / В зубах кривую саблей м е с я ц, / Чтоб ночь-невесту сквозь пожар / К седлу до-*

бычею привесить. (Н. Зарудин. «В поводах солнечных рука...») [Там же]. Среди приведенных отрывков обращают на себя внимание те контексты, в которых в позиции правого элемента образной парадигмы выступают слова *серп* («ручное орудие – изогнутый полукругом мелко зубренный нож для срезывания хлебных злаков с корня» [Ожегов, Шведова, с. 713]), *ятаган* («большой кривой турецкий кинжал» [Там же, с. 919]) и *сабля* («рубящее и колющее оружие с длинным изогнутым клинком» [Там же, с. 691]), наглядно демонстрирующие тот признак, на основании которого происходит сближение сравниваемых объектов – кривизна, изогнутость формы.

4. Следующую объемную модель образуют контексты, в которых образ сравнения реализуется благодаря использованию обозначений вещества (9,59% примеров): *серебро*, *мел*, *ртуть*, *фаянс*, *эмаль*, *золото*, *янтарь*, *медь*. Подтвердим сказанное фрагментами стихотворных текстов: *...месяц, гнездясь за деревьями, / Серебром сочится в листву.* (Б. Нарциссов. «Это – летнюю ночью бессонница...»); *Вот мое милое дело, / Мой дом, мой замок... / Месяц белее мела / В оконных рамах.* (Д. Самойлов. «Вот мое милое дело...»); *В маленьких глазках – в болотной мути – / Месяц кружился, как капля ртути.* (Э. Багрицкий. «Ежами в глаза налезала хвоя...»); *Уже был месяц розов, как янтарь.* (Д. Самойлов. «Скажите, гражданин, как здесь пройти...») [НКРЯ]. Так, в первом из приведенных примеров образ сравнения выражен с помощью слова *серебро* – «драгоценный блестящий металл серовато-белого цвета» [Ожегов, Шведова, с. 713]; во втором контексте с этой целью использована лексическая единица *мел* в значении «мягкий белый известняк, употребляемый в промышленности, для окраски, писания» [Там же, с. 691]. В большинстве случаев сближение с лексемами, выполняющими роль правого элемента парадигмы, происходит с учетом цветовой характеристики сравниваемых объектов. При этом наиболее частотным является сочетание слова *месяц* с существительным *серебро*.

5. Менее объемная модель охватывает те случаи употребления слова *месяц*, когда оно ассоциируется с лексемами, входящими в понятие «драгоценное» (8,43% случаев использования). Данное понятие репрезентируется за счет слов *бриллиант*, *жемчуг*, *топаз*, *коралл*, *янтарь*, *серьга*, *монета*. Например: *Когда сверкает ярким бриллиантом / Весенний месяц на небе ночном, / Все говорят, что души христиан там / Погибших реют в сумраке лесном.* (А. Тиняков. «Лесная заводь»); *В темных улицах плавится*

страшно и гулко / Пьяный крик, гоготанье и визг. / А в пустынном провале над тьмой переул-ка / Тонкий месяц серьгой повис. (Г. Сатовский. «Ночь набросила ризы спокойной печали...»); *Скатился месяц медною монетой, / Упала гривенником поздняя звезда... / Вот это - / Да!..* (А. Жаров. «У каменного моста...») [Там же]. В этой группе слов наиболее высока частотность слова *серьга*, реализующего значение «украшение, обычно с драгоценным камнем, продаваемое в мочку уха» [Ожегов, Шведова, с. 714].

6. Следующая парадигма «месяц → «свет» выделена на основе анализа 6,10% словоупотреблений. При этом довольно часто используется слово *свет* «лучистая энергия, воспринимаемая глазом, делающая окружающий мир видимым» [Ожегов, Шведова, с. 701]. Отмечены ассоциации с естественными источниками света: *солнце*, *звезда*, *луч*, например: *И не покажет уж глаз / Месяц – цыганское солнышко.* (С. Клычков. «Юность – питье солодовое...»); *Но месяц / Померк и закатился, как звезда.* (И. Бунин. «Авраам»). Выявлены также контексты, в которых слово *месяц* сближается с обозначениями искусственных источников света (*светоч*, *фонарь*, *ночник*): *Вот мой город, огромный и сумрачный! / Светит месяц как тусклый ночник. / Здесь любил я прелестную дурочку, / Здесь к армейской ушанке привык.* (В. Ковенацкий. «Я ночами летаю над городом...») [НКРЯ]. Как видим, в последнем фрагменте текста слово *ночник* реализует значение «слабо горящая лампочка, зажигаемая на ночь» [Ожегов, Шведова, с. 422].

7. Также не столь значительная по объему парадигма представлена примерами, в которых месяц ассоциируется с транспортным средством или его частью: *челн*, *челнок*, *ладья*, *фелука*, *моторик*, *колесо*, *полоз* (4,07% примеров). В приводимых далее контекстах понятие «транспорт» репрезентируется словами *челн* («выдолбленная из дерева лодка» [Ожегов, Шведова, с. 884]), *ладья* («лодка, парусное судно» [Там же, с. 318]) и *колесо* («в различных механизмах: диск или обод, вращающийся на оси и служащий для приведения механизма в движение» [Там же, с. 282]): *В волнах древесных месяц – челн, / А Ночь над ним – утес огромный...* (А. Белый. «Приход ночи»); *И месяц наверху налил / И косо плыл по дыму, как ладья.* (Д. Самойлов. «Скажите, гражданин, как здесь пройти...»); *Опять серебряной росой / Ботинки старые об- мою, / И месяц желтым колесом / Взойдет, чтоб встретиться со мною...* (И. Молчанов. «Ну как забыть твоё лицо...») [НКРЯ].

8. Еще одна модель выделена на основе анализа контекстов, в которых лексема *месяц* сближается со словами, относящимися к понятию «растение»: *подсолнух одуванчик, лилия, мимоза, незабудка, лист* и др. (3,19% от общего числа примеров). Приведем фрагменты текстов: *Месяц – точно одуванчик / В степи неба голубой.* (К. Фофанов. «Я иду, вокруг – всё избы...»); *Всем в мире светит / месяц-мимоза...* (В. Соснора. «Черной ночью...»); *Вот наплывают ночные туманы, / Месяц – желтый, как осенью лист, – / Грустно сквозь сизого облака смотрит...* (М. Михайлов. «Песнь океанид») [Там же]. Анализ текстов показывает, что во многих случаях подчеркивается форма и цвет (желтый или светлый, белесый) сравниваемых объектов. Так, слово *одуванчик*, использованное в первом контексте, реализует значение «травянистое растение сем. сложноцветных с желтыми цветками и семенами на пушистых волосках» [Ожегов, Шведова, с. 447].

9. По количеству примеров с предыдущей моделью совпадает парадигма, в которой роль правого элемента выполняют лексические единицы (*калач, пирожок, сайка, рогалик, яйцо* и др.), принадлежащие семантической зоне «еда». Так, в приводимых далее примерах лексема *месяц* сближается со словами *калач* («пшеничный хлеб, по форме напоминающий замок с дужкой» [Там же, с. 260]), *сайка* («продолговатый или круглый пшеничный хлебец» [Там же, с. 692]) и *яйцо* («куриное яйцо как пища» [Там же, с. 917]): *Войти бы в Божью стряпущую, / Где месяц – калач анисовый!..* (Н. Клюев. «У вечерни два человека...»); *Он сказал мне: «Месяц в небе, / Словно сайка на столе» – / Значит: думает о хлебе, / Я мечтаю о тепле.* (Н. Некрасов. «У Трофима»); *Словно яйцо, / Расколовшись, скользнул / Месяц за дальним холмом.* (С. Есенин. «Пропавший месяц») [НКРЯ]. При этом неоднократное использование отмечено лишь в отношении двух слов – *яйцо* и *пирожок*.

10. Последняя из рассматриваемых парадигм включает контексты, в которых лексема *месяц* сближается со словами *шар, мяч, парус, икона, знамя, подкова* и др. (3,17% словоупотреблений). Эти лексические единицы, по мнению Н. В. Павлович, обозначают некие уникальные предметы, не соотносимые с традиционно выделяемыми понятиями [Павлович, с. 141]. Например: *Месяц огненным шаром встает, / Красным заревом лес обдаёт.* (И. Никитин. «В синем небе плывут над полями...»); *Месяц – парус, небо – звездный пруд. / И никто не знает, как мне больно / Оттого, что яблони цветут.* (Л. Андерсен. «Месяц всплыл на небо, золотая...»)

лотея...») [НКРЯ]. Так, в последнем отрывке слово *месяц* сочетается с существительным *парус*, реализующим значение «укрепляемое на мачте судна и надуваемое ветром полотно из парусины, плотной ткани» [Ожегов, Шведова, с. 494].

Следует сказать, что намеренное сближение слов, выступающих в роли левого и правого элементов рассмотренных парадигм, определяется рядом критериев. В качестве таких оснований можно назвать следующие: существующее с древности стремление человека «оживлять» окружающие предметы и явления действительности, наделяя их свойствами лица или животного; сходство обозначаемых объектов по форме, световому тону, характеру совершаемых действий; тип авторской эмоциональности; индивидуальные особенности восприятия мира и т. д. Например, сближение лексемы *месяц* со словами *рог, бровь* (относящимися к понятию «орган») детерминировано сходством обозначаемых объектов по форме. Использование при описании месяца колоративов *белый* (голубь), *серебряная* (слеза), *желтый* (серп) свидетельствует о том, что образность поэтического текста формируется на основе сходства по световому тону.

Как известно, среди лексических единиц, выступающих в позиции правого элемента парадигмы, можно выделить наиболее часто используемые слова и более редкие лексемы, которые придают образу определенную степень новизны. Так, в парадигме «месяц → живой предмет (птица)» традиционный образ создается в результате уподобления небесного тела лебедю (Эллис (Л. Кобылинский), И. Доронин), в то время как сравнение с зобатым селезнем (Н. Клюев) формирует образ, отличающийся большей оригинальностью. В рамках модели, в которой образ сравнения репрезентируется словами, относящимися к понятию «орудие», традиционным является сопоставление месяца с серпом (А. Блок, Ю. Верховский, Н. Клюев, О. Мандельштам, С. Надсон, И. Суриков), а сравнение с плугом (В. Брюсов) имеет эффект новизны. В парадигме «месяц → транспорт» традиционными можно считать случаи сближения анализируемой лексемы со словами *ладья* (Н. Клюев, Г. Оболдуев, Д. Самойлов) и *челнок* (Вс. Рождественский, Н. Тuroверов), тогда как использование слова *полоз* (М. Зенкевич) в позиции правого члена модели ведет к созданию индивидуально-авторского образа.

Кроме количества контекстов, в которых представлена та или иная парадигма, важно учитывать и такое свойство модели, как продуктивность, то есть количество образов, в которых она

реализуется. Изучение 10 описанных нами парадигм в этом аспекте показало, что наибольшая продуктивность характерна для модели «месяц → живой предмет» (109 образов). При этом важно указать, что подавляющее большинство контекстов в рамках этой парадигмы обнаруживает сближение лексемы *месяц* с обозначениями лиц – преимущественно мужского пола (83 образа). Меньшую, но довольно высокую продуктивность демонстрируют остальные из рассмотренных моделей: «месяц → орган» (20 образов), «месяц → драгоценное» (14), «месяц → свет» (14), «месяц → вещество» (13), «месяц → оружие» (12), «месяц → растение» (11), «месяц → транспорт» (11), «месяц → еда» (11) и «месяц → предмет» (11).

Поскольку высокая продуктивность парадигмы во многом обуславливает ее устойчивость, то есть степень «узнавания» и силы воздействия [Павлович, с. 103–104], то можно также сделать следующий вывод: все 10 описанных парадигм обладают свойством устойчивости.

В процессе анализа языкового материала нами были выделены еще 6 моделей, в которых лексема *месяц* сочетается со словами следующих семантических зон: «ткань», «сосуд», «плоды», «пространство», «экзистенциальное» и «ментальное», однако обозначенные парадигмы охватывают весьма незначительный сегмент нашего материала – менее 5%.

Интересно также отметить, что наиболее часто образные возможности слова *месяц* реализуются в поэтических текстах В. Брюсова, И. Елагина, С. Клычкова, Н. Клюева, Н. Некрасова, Г. Оболдуева и К. Случевского. Показательно, что общее число употреблений лексемы *месяц* в их произведениях составляет почти 18%. Самая объемная по количеству часть примеров (75,6%) связана с творчеством поэтов XX столетия, что обусловлено сложными литературными процессами, характерными для этого периода, широким диапазоном художественных направлений, а также своеобразием индивидуальных стилей авторов.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о значительной широте образно-ассоциативного потенциала лексемы *месяц*, используемого в значении «диск луны или его часть». Выделены 16 образных парадигм, в которых данное слово выступает в позиции левого элемента. Дана характеристика моделей с точки зрения количества контекстов, в которых лексема *месяц* употребляется в качестве предмета сравнения. Проанализированы и описаны 10 наиболее объемных по количеству примеров моделей. Определены такие свойства парадигм, как

продуктивность и устойчивость. Установлено, что наибольшую продуктивность и устойчивость демонстрирует парадигма, в которой существительное *месяц* сближается со словами, обозначающими живой предмет. Остальные 9 из рассмотренных в статье моделей характеризуются меньшей, хотя и довольно высокой продуктивностью и устойчивостью. Роль правого элемента в этих парадигмах выполняют слова, относящиеся к семантическим зонам «орган», «орудие», «вещество», «драгоценное», «свет», «транспорт», «растение», «еда» и «предмет». Кроме того, представлены характеристики функционирования лексемы *месяц* с хронологической точки зрения, а также с учетом фактора новизны образа.

Список литературы

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 563 с..

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (дата обращения: 19.09.21).

Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Типография Росельхозакадемии, 1995. 491 с.

Хайрутдинова Г. А. Образный потенциал оронимов (на материале стихотворных произведений XIX–XX вв.) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ. СПб.: РОПРЯЛ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 523–527.

Хайрутдинова Г. А. Эстетические ресурсы русского языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 170 с.

References

Khairutdinova, G. A. (2016). *Esteticheskie resursy russkogo iazyka* [The Aesthetic Resources of the Russian Language]. 170 p. Kazan, izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Khairutdinova, G. A. (2016). *Obraznyi potential oronimov (na materiale stikhotvornykh proizvedeniy XIX–XX vv.)* [The Figurative Potential of Oronyms (based on the material of poetic works of the XIX–XX centuries)]. *Dinamika iazykovykh i kulturnykh processov v sovremennoi Rossii* [Elektronnyi resurs]. Vyp. 5, pp. 523–527. Materialy 5 kongressa ROPRIAL. St. Petersburg. ROPRIAL. 1 elektron. opt. disk (CD-R). (In Russian)

Matveeva, T. V. (2010). *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [A Complete Dictionary of Linguistic Terms]. 563 p. Rostov n/D., Fenix. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (accessed: 06.09.16). (In Russian)

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Iu. (2007). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Lan-

guage: 80000 Words and Idiomatic Expressions]. 944 p. Moscow, OOO "A TEMP". (In Russian)

Pavlovich, N. V. (1995). *Iazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom iazyke* [The Language of Images. Paradigms of Images in the Russian Poetic Language]. 491 p. Moscow, Tipografiia Rossel'khozakademii. (In Russian)

The article was submitted on 03.11.2021

Поступила в редакцию 03.11.2021

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Kgulshat@yandex.ru

Hayrutdinova Gulshat Ahmathanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Kgulshat@yandex.ru